

ТОНИ БРАНТО

ДОМ С СЕМЬЮ ГОЛОВАМИ

ЭТО ЗАКРЫТАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КЛИНИКА...
И ТАИНСТВЕННОМ УБИЙЦЕЙ ЗДЕСЬ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ
КТО УГОДНО – ДАЖЕ САМЫЙ ТИХИЙ ПАЦИЕНТ...

Тони Бранто
Дом с семью головами
Серия «Детектив с
трогательным финалом»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68721726
Дом с семью головами / Тони Бранто: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-179142-1

Аннотация

Когда ты стоишь на утесе и под тобой весь мир, есть только два желания – свести счеты с жизнью или... поселиться в клинике для умалишенных...

Военный инженер Джеффри Томпсон решил свести счеты с жизнью на живописном утесе в заброшенном уголке Шотландии. Но случается непредвиденное: в последний момент его буквально силой спасают обитатели единственного уцелевшего в безлюдной заснеженной округе дома. Очаг, горячий ужин и... очень странное общество: старый дезертир с пулей в голове, вечно меняющая образы отставная актриса, художница, рисующая кровавые картины. Джеффри не сразу понимает, что оказался в клинике для душевнобольных. Подозрителен и главный врач, испытывающий на пациентах свои не совсем обычные методики. Но настоящий ужас охватил Томпсона, когда в первую же ночь

один из постояльцев выпал из окна. За первой странной смертью последовала вторая, потом третья... Озлобленная компания единодушно решает – в этих преступлениях виноват новенький...

Увлекательный роман в стиле старого доброго детектива от восходящей звезды отечественной остросюжетной литературы Тони Бранто. Глубокий психологизм, неожиданное сочетание трагедии и юмора, непредсказуемая развязка.

«Как же я истосковался по хорошему детективу. Степенному, утонченному, пропитанному нуарной романтикой тайн. Этот роман – глубокий книксен классикам жанра. В нем "английское" все, начиная от самого названия. Не забудьте налить себе кружку чая перед тем, как приступите к чтению». – *Генри Сирил, автор бестселлеров «Сценарий». «80 сигарет» и др.*

«Невероятно атмосферный роман. Каждая новая глава как перевернутая страница в истории болезни обитателей жуткого дома. До конца не знаешь, что они выкинут в следующую минуту и кто в итоге виноват во всех этих злодеяниях. Не покидает ощущение, что в этот момент ты один на один с черной пустотой, а вокруг метет нескончаемая пурга и слышатся чьи-то осторожные шаги...» – *Николай Прокофьев, редактор книги*

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Тони Бранто

Дом с семью головами

© Бранто Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Максу, любимому другу

Глава 1

1

Под ногами Джеффри Томпсона – он стоял на самом краю утёса и рассматривал берег – змейкой вилась узкая полоска камней, припорошённая снегом. Тёмно-синяя вода набегала и пенилась, воздух был колюч, небо – по-зимнему низким и бурым.

На Томпсоне было коричневое коверкотовое пальто, выдававший виды хомбург и перчатки на руках, стиснутых в кулаки. Томпсон не мог унять дрожь.

Он взглянул на часы – было без четверти восемь, затем на ботинки. Ботинки промокли насквозь.

С пол часа уже тускло горело утро.

Небо нависало сплошным кроваво-мясистым облаком. Хирург нашёл бы его похожим на хлябь из раздавленных внутренних органов. Астроном бы вспомнил о глобулах, глядя на тут и там чернеющие на багровом фоне тучи. Еле пробившийся свет, гранитно-серый и давящий, падал на заснеженный пейзаж утёса Морган и холодное море.

Дом в георгианском стиле в три внушительных этажа стоял поодаль от обрыва ярдах в пятистах. Слишком уж дале-

ко, чтобы кто-то находящийся в нём приметил человека над пропастью. Так считал Томпсон, и его эта мысль огорчала. Уже час там, на краю, он подавлял в себе желание напро-ситься к огню и горячему чаю.

«Паршиво, – думал мужчина, – начинается день».

Ещё – его разочаровал утёс Морган. Или больше – возму-тил тем, что его не было видно. Хотя это не была вина самого утёса. Уж если искать виновного, то им точно был фотограф, так удачно запечатлевший скалу на снимке. Свой кадр он, конечно, делал из лодки на приличном от берега расстоянии. Фотографию потом купила и растиражировала на своих от-крытках Королевская почта.

А Джефффри Томпсон – в его кармане сейчас как раз ле-жала одна из таких открыток – стоял наверху, и выходило, что вся заветная красота оставалась у него под ногами.

И как он не подумал об этом раньше!

Продавай контора Кука пешие туры на утёс Морган, об-манутые клиенты жаловались бы: «Вы нас на задворки мира отправили, а утёса-то и не видно! Нужно было по морю!» А ближайший спуск к воде в восьми милях...

Томпсон вздохнул, мёрзлый воздух обжёг его горло и нё-бо. Когда он вновь глянул на часы, было почти девять.

А если никто так и не выйдет?..

Послышались шаги – скрип снега под ногами, словно кто-то услышал его мольбы. Какая-то фигура отделилась от дома и направилась в сторону обрыва.

Джефффри Томпсон облегчённо выдохнул.

Силуэт не давал возможности определить пол незнакомца. Чёрная шляпа и пальто свободного кроя скрывали человека с головы до ног.

Томпсон отвернулся к морю и сохранял вид глубокой задумчивости до самого момента, когда снег захрустел совсем близко и хрипловатый голос произнёс:

– Майкл!

Томпсон повернул голову. Перед ним стояла женщина лет пятидесяти, её породистое лицо с острыми чертами и наруганными щеками выражало внезапную растерянность. В руках она держала докторский чемоданчик из потрескавшейся крокодильей кожи.

– Простите. Я решила, что вы – Майкл.

– Джефффри Томпсон.

– Откуда вы? С юга? У вас акцент.

– Из Корнуолла.

Женщина расстроенно покачала головой.

– Раз вы не Майкл, я продолжу поиски. Опять он сбежал.

– Ваш муж?

- Брат. Ему нельзя на холод. Я тревожусь о его состоянии.
- С ним что-то не так?
- Можно и так сказать.

Женщина оставила взволнованный тон и строго заявила:

- Я доктор Урсула Джейкобс.

Томпсон приподнял брови.

- Эту фамилию я слышал.

- Очень лестно.

Урсула взглянула на промокшую обувь Томпсона.

- Так вы сократите себе жизнь.

Джефффри Томпсон по-мальчишески открыто улыбнулся:

- Мне ничего такого не грозит.

- Вы самоуверенны. Служили во флоте, должно быть.

– Не в этом дело, – Томпсон достал сигареты и начал вертеть пачку двумя пальцами. – Понимаете, я приехал сюда, чтобы покончить с собой.

3

Урсула слегка наморщила лоб. Когда она заговорила, её голос звучал, как и прежде, деловито, но теперь с ноткой интереса:

- И почему же вы решили сделать это непременно под окнами моего дома? В Королевстве кончились скалы?

Джефффри Томпсон выронил пачку. Наклонившись за ней, он спросил:

– Вас волнует только это?

– Разумеется. Вы прыгнете, и что дальше? Прибудет полиция, начнётся выяснение обстоятельств. А знаете, сколько вреда такой шум нанесёт здоровью моих пациентов?

Томпсон не ответил. Его обескуражило такое равнодушие к его судьбе, да ещё со стороны врача.

– Это – моя лечебница, – Урсула кивнула в сторону дома. – На десятки миль ни души. Моим пациентам здесь хорошо. А тут являетесь вы и своим возмутительнейшим и крайне эгоистичным поступком собираетесь растревожить их покой.

– Я приношу свои извинения, – растерянно сказал Томпсон. – Всё дело в этой открытке.

Он спешно полез во внутренний карман в надежде оправдать своё недостойное джентльмена поведение.

– Видите – утёс Морган. Аж дух захватывает, правда?

Урсула взглянула на снимок голой скалы, напоминающей нос воспарившей над водой акулы.

– Это где?

Томпсон не поверил ушам.

– Прямо у вашего порога! Мы с вами сейчас стоим как раз вот здесь, – он ткнул в макушку скалы на снимке.

– Никогда бы не подумала, – Урсула перевела взгляд на сигареты.

– Утёса не видно, когда стоишь на нём. Вот в чём дело.

– Итак, вы решили прыгнуть?

Томпсон дал себе минуту, прежде чем ответил:

– Глупо выходит. Понимаете, моя жизнь, как бы лучше выразиться... не была яркой.

– Это легко понять, – согласилась Урсула. – Последние годы были несладкими.

– Моя причина не в войне. Началось это гораздо раньше. Впрочем, не важно. Я хотел выпить яд. Не поверите, пошёл за ним в аптеку – она у нас в почтовом здании находится, – а там, на стенде, она – эта открытка. Чем-то меня зацепила. Такая дикая красота...

– Вы надеялись купить яд без рецепта?

Томпсон моргнул, облизал губы.

– Я надеялся украсть яд... Вернее, ограбить. Хотел запугать аптекаря игрушечным револьвером...

Урсула кивнула и сухо сказала:

– Теперь понимаю.

– А глядя на открытку, решил: жизнь была серой. Что, если смерть будет яркой? Уж на это я могу повлиять. Мысль так очаровала меня, что я не смог себе отказать. Купил открытку, разузнал, где это место. Оказалось оно, правда, на другом конце острова. Но что я терял? Меня буквально захлестнули эмоции, я ждал эту поездку...

– Так и не закурите?

– Что, простите?

– Сигареты! Я говорю...

– Урсула!

Они обернулись в сторону дома.

– Урсула! – донеслись раскаты грубого голоса.

Джефффри Томпсон ничего не успел понять, кроме того, что лицо его собеседницы резко перестало быть официальным и строгим. На него глядела теперь другая, смертельно испуганная, женщина. Её глаза будто стремились вылезти из орбит.

– Дайте сигареты!

– Что?

– Сигареты! – Урсула бросилась вперёд, едва не столкнув Томпсона с обрыва.

– Что вы делаете?!

– Отдайте!

– Вы спятили, док!

– Летите ко всем чертям! Оставьте сигареты!

Мужчина побежал. Урсула, отбросив чемоданчик, пустилась следом.

– Вы – ненормальная!

Догнав, она кинулась на Томпсона и потянула за собой в сугроб, вцепившись руками и ногами мёртвой хваткой.

Томпсону не было жалко сигарет, но даже на пороге смерти его не оставила привычка защищать свою честь. Он крепко сжал пачку в кулаке и прижал к груди. Сильный укус в шею заставил его вскричать от боли и на секунду лишил сил. В этот момент ей удалось его перевернуть. Томпсон нырнул лицом в обжигающий снег, Урсула налегла сверху. Но вдруг

всё прекратилось так же внезапно, как началось.

4

Джефффри Томпсон почувствовал, как навалившееся на него тело обмякло. С тяжким стоном ему на плечо упала голова нападавшей, из-под свалившейся шляпы посыпались длинные желтоватые локоны.

Томпсон поспешил высвободиться. Он скинул с себя руки и ноги женщины, те скатились с него, как дрова. Укус на шее горел адским пламенем. Томпсон взял пригоршню снега и приложил к полыхавшему месту, стиснув зубы. Взглянул на тело, распластавшееся рядом – Урсула была явно в отключке.

И только после этого сообразил, что рядом кто-то есть. Кто-то затмевал собой небо.

Томпсон поднял голову. Первое, что разглядел, было тёмное платье из грубого материала, обтягивающее обширное тело, похожее на бесформенную глыбу. Открытые щиколотки в шерстяных чулках, оказавшиеся у Томпсона прямо перед носом, напоминали прочные сваи, уверенно державшие крупную женщину.

Наконец, в руке её он заметил шприц. Уже пустой.

– Поможете донести её до дома?

Голос – низкий и до того объёмный, что будто выходил прямым из грудного резонатора, – не оставлял шансов на

церемонии.

Томпсон встал и отряхнулся.

– Конечно.

Они подхватили Урсулу за руки и ноги.

– Но если что, я и сама справлюсь.

В том у Джефффри Томпсона не было никаких сомнений. Такая и его запросто утащила бы на своём массивном плече.

– Без проблем.

Ей было под пятьдесят. Заплывшее рыхлое лицо без косметики. Сухие губы, маленький круглый нос, тёмные с проседью короткие волосы, небрежно зачёсанные набок. Глаза, казалось, не двигались, веки не моргали. Томпсону показалось, что она и затылком могла видеть.

– Погодите.

Женщина опустила ношу на снег, подняла брошенный чемоданчик, отряхнула снег с откатившейся в сторону шляпы и нахлобучила её себе на голову. Затем развернулась к Томпсону спиной, взяла Урсулу за ноги и двинулась напролом через снег, как танк.

Томпсон – высокий, крепкий, хоть и худощавый мужчина, – поддерживая плечи Урсулы, с трудом поспевал, спотыкаясь о снег. Его мучил вопрос – почему они несли живого человека вперёд ногами.

Был ли это ещё живой человек? Что ей вкололи?

Томпсон не решился спросить.

Вместо этого сказал:

– Доктор набросилась на меня из-за сигарет...

– Доктор?

Томпсон хмыкнул.

– Доктор Майкл Джейкобс сейчас в процедурной.

– А это кто?

– Его сестра, – сказала женщина.

Погодя она спросила:

– А вы кто?

Джефффри Томпсон вкратце повторил свою историю.

– Ну, допустим. Как вы сюда попали?

– Пешком.

– Откуда?

– Со станции в Эйре.

– Пятнадцать миль шли пешком? – женщина прокашлялась. – Безумие. Каким поездом ехали?

– Тем, что из Глазго.

Женщина помолчала.

– В Эйре он останавливается без четверти два ночи.

– Верно, я шёл всю ночь. Без указателей было тяжело.

– Вы проголодались! – прозвучало, как приказ. – И как же вы не заблудились?

– Контролёр на станции объяснил дорогу, сказал, что надо идти через Соммердин, опустевшую деревню. Мне повезло, что он знал про утёс.

– Потому что сам, должно быть, из Соммердина. Всякий, кто жил там, знает про утёс.

Женщина опять прокашлялась.

– Пятнадцать миль ночью через пустоши? Ради скалы? Вы хоть понимаете, какой опасности себя подвергли?

– Вообще, учитывая, мою конечную цель...

– Вы не поняли. Когда деревня вымерла, сюда пришли волки. Ночью на них напороться проще простого.

Томпсон побледнел.

– А быть загрызенным волками совсем не то, что в лепёшку расшибиться, не правда ли? – усмехнулась женщина.

– Контролёр ничего не сказал про волков.

– Меня зовут Барбара. Барбара Холлис.

– Джеффри Томпсон, – повторил своё имя мужчина. – А что вы ей вкололи?

– Хлорпромазин. Нейролептик. Всегда ношу с собой.

Барбара откашлялась.

– Бедняжка неделю пробыла на чердаке – доктор наказал её. Сегодня утром я меняла простыни, и ей удалось сбежать.

– Знаете, я и предположить не мог, что с ней что-то не в порядке. Она говорила, как человек в здравом уме.

– В том-то и суть. Выявить безумца только доктору под силу. Я имею в виду доктора Джейкобса.

– Это его лечебница? Контролёр о ней и словом не обмолвился, хотя такое соседство с утёсом...

– Второе Рождество тут справляем. Особняк выстроил крупный магнат, пациент мистера Джейкобса. Завещал дом доктору. В войну застрелился.

– Банкротство?

– Жить надоело, – бросила Барбара резко. – А что вас удивляет? У вас самого что на уме?

– Ну, у меня-то заводов нет.

– А будь у вас деньги, вы бы не прыгали?

Томпсон понял, что сглупил.

– Нет. Мои раны куда глубже, – сказал он.

– Мне тоже так кажется. Вы не похожи на меркантильного джентльмена.

– Вы считаете?

– На вас хорошие перчатки.

Они подходили к парадным дверям.

– За что доктор наказал сестру?

Барбара ответила, глянув через плечо:

– За плохое поведение. Сюда, – она толкнула дверь ногой, они вошли в тёплый и уютный холл.

– Что же она наделала?

– Положим здесь, – Барбара указала на кушетку у стены.

Она стянула с Урсулы пальто – под ним была лишь ночная сорочка – и, выпрямившись, громко прокашлялась.

– Вас никогда не наказывали в детстве, мистер Томпсон?

Глава 2

1

– Разумеется, – сказал Томпсон. – В детстве мне частенько перепадало.

– Дальше я сама.

Барбара взяла Урсулу на руки.

– Обождите здесь. Снимите пальто и погрейтесь. Я скоро подойду.

Джеффри Томпсон оказался в просторной гостиной с растопленным камином. Его охватило приятное тепло, а вместе с ним и незримое присутствие бывшего владельца дома. Деревянные панели, картины, торшеры и настенные бра, роскошные часы на каминной полке. Много комнатных цветов. У стены на столике стояли бутылки с напитками. Обитель ничем не выдавала лечебницу.

Томпсон снял мокрые ботинки и присел на корточки у самого пламени.

Теперь он мог расслабиться. А ведь минутами раньше, оступись он, его тело могло лежать, распластавшись на камнях...

Рядом стояла рождественская ёлка в огнях и игрушках,

заботливо украшенная, источавшая хвойный аромат. Два эркерных окна глядели на восток, на пугающее полотно снега, матовое, без конца и края.

Вновь занял укус на шее. Томпсон потрогал рану, на руке осталась спёкшаяся кровь.

В коридоре раздались уже знакомые тяжёлые шаги.

– Присядьте на диван.

Барбара держала бутылочку с раствором и набор для перевязки.

– Будет щипать.

Томпсон послушно стерпел процедуру. Щипало – это мягко сказано.

– Я объясню более понятно, – сказала Барбара, бинтуя шею Томпсона. – Урсула страдает диссоциативным расстройством идентичности. Вам известно, что это такое?

«Да уж, диссоциативное расстройство – проще не придумаешь», – хмыкнул про себя Томпсон, а вслух ответил:

– Вроде бы. Но, признаться, я никогда не встречал людей с подобным... поведением.

– И навряд ли встретите. Их стараются держать подальше от общества. У этих бедолаг много личностей, запертых внутри тела.

– Сколько же их у мисс Джейкобс?

– Мы ещё не всех посчитали. На Урсулу удивительным образом влияет одежда. Она находит какие-то тряпки, и в соответствии с ними происходит перевоплощение. Сегодня

она взяла пальто, шляпу и чемоданчик доктора Джейкобса из его кабинета.

– Ах, вот оно что...

Барбара закончила с раной и поглядела на ноги Томпсона.

– Погрейтесь ещё у огня.

Она вышла и через четверть часа вернулась с парой тёмно-коричневой обуви.

– Примерьте.

Туфли оказались на размер велики.

– Следуйте за мной.

Они пересекли коридор и оказались в столовой.

– Садитесь.

На столе ждала тарелка горячей каши.

Томпсон как вкопанный застыл на месте.

– Садитесь, – повторила Барбара абсолютно тем же не терпящим возражений тоном.

Джеффри Томпсон сел на указанный стул во главе большого овального стола. В камине за его спиной был разведён огонь.

– Доктор Джейкобс уже позавтракал. Вы сидите на его месте. У каждого пациента есть своё место за столом, но так как вы ещё мёрзнете...

– Погодите, – Томпсон уже мысленно подносил первую ложку ко рту. – Пациенты?

Барбара стояла сбоку. Отчего-то всё тело Томпсона в одно мгновение напряглось, словно запротестовало, но боялось

пошевелиться.

– Я так и сказала.

– Извините, я, должно быть, злоупотребляю вашим гостеприимством...

– Сядьте, мистер Томпсон.

2

Томпсон сел обратно.

– Поешьте. Шляпа у вас никудышная, как и обувь. Вы запросто могли получить менингит. Ешьте, пока еда не остыла.

Томпсон принялся есть. Каша показалась ему отвратительной.

Барбара подошла вплотную и, к удивлению Томпсона, начала ощупывать ему голову.

– Что вы делаете?

– Продолжайте есть.

Томпсон послушно жевал, пока мощные жилистые руки странным образом орудовали над ним. В какой-то момент его голова под давлением прижалась к груди. Томпсон прикусил язык. Ещё какое-то время жёсткие пальцы с усердием прощупывали ему затылок.

– Нет. Менингита не будет, – сказала Барбара, отцепившись.

Показалось, что она разочарована открытием.

– Я хотел сказать, что не задержусь. Я уже согрелся.

– Это хорошая новость. Я доложу о вас мистеру Джейкобсу. Вы наверняка захотите его поблагодарить.

Из вежливости Томпсону пришлось кивнуть.

– Как мне следует представить вас?

Мужчина на секунду замешкался и сказал:

– Джеффри Томпсон.

– Я имела в виду род деятельности.

– А! Разумеется. Простите. Я... военный инженер.

После этих слов произошло, как считал Томпсон, поистине невероятное – Барбара улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она, развернулась и исчезла.

Следующие несколько минут Джеффри Томпсон в одиночестве приканчивал кашу. Она оказалась совершенно несъедобной, но голод победил.

Когда тарелка была уже пуста, за дверью раздались шаги, на этот раз легче, даже каблучок постукивал игриво. Томпсон тут же представил себе портрет яснее ясного: молодая девушка, уверенная и жизнерадостная, хотя последнее ну никак не вязалось со спецификой этого дома.

Томпсон вытер рот салфеткой.

Дверь открылась, на пороге показалась девушка лет двадцати пяти в белом джемпере и серых твидовых брюках. Молодая, уверенная и жизнерадостная. На её простом круглом лице лучилась улыбка. В руках был поднос со стаканом.

Дурнушка, решил Томпсон.

– Вот вы какой, мистер Томпсон!

Мужчина привстал.

– Сидите, сидите!

По комнате разлетелся кислый запах.

– Выпейте, это отвар. Он поможет восстановить силы.

Томпсон ухмыльнулся.

– Вообще-то я не так уж и плох.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Мужчинам непросто признавать, что им нелегко.

Томпсон отпил и скривился.

– Это настой из трав.

– Горчит, – как можно учтивее высказался Томпсон.

– Меня зовут Сара.

– Джеффри Томпсон.

– Допивайте, мистер Томпсон. И я провожу вас в вашу комнату.

Томпсон поперхнулся.

– В мою комнату?

– У вас есть багаж?

– Багаж?

Девушка зарумянилась.

– Какая же я глупая! Вы же приехали с утёса прыгать, а не фамильные драгоценности закапывать. Ничего, что-нибудь найдём. Кажется, туфли доктора вам подошли.

– Простите, – Томпсон отставил полупустой стакан. – Я несколько обескуражен. Я только лишь помог мисс Холлис донести до дома сестру доктора Джейкобса...

– Миссис Холлис – это моя мать.

– Прошу прощения.

– Мы в услужении у доктора. Мама, я и мой младший брат. Это весь персонал. Кроме самого доктора, разумеется.

– Дело в том, что вы мне предлагаете комнату, но у меня ведь совсем другие планы...

Сара присела на край стола и посмотрела в окно.

– Мистер Томпсон, вам принципиально кончать с собой именно сегодня? Или вы могли бы рассмотреть и другие даты?

Она спрашивала про планируемый день смерти, как спросила бы, в котором часу следующий поезд.

– Вы надо мной смеётесь?

– Конечно, нет. Но я не любительница сантиментов. Я всегда говорю в лоб. На мой взгляд, так правильно. Хотя доктор Джейкобс просит быть более осмотрительной с нашими пациентами.

– Вот опять! С чего вы решили, что я ваш пациент?

– Мистер Томпсон, вот вам реальное положение дел: вы сейчас здесь, с нами. В тепле и сытости. Платить за пребывание вам нет нужды. Утёс – всегда под боком. Надоест с нами жить – выходите и прыгаете. Договорились?

Джефффри Томпсон рассудительно промолчал. Да ведь там, у обрыва, он только и ждал, что его спасут...

– А вам-то что с того, что я останусь?

– Нам – хорошая компания.

Прозвучало трезво, недвусмысленно, словно знакомились молодые люди в баре.

Томпсон сейчас с удовольствием выпил бы.

Он взял стакан и залил в себя горькие остатки. Затем сказал:

– А чай у вас, обычный, подают? Или всегда отвар?

Сара улыбнулась, широко обнажив зубы и розовую полоску дёсен. Улыбка, с сожалением отметил Томпсон, только уродовала эту бодрую девушку.

– Должна же быть ложка дёгтя, мистер Томпсон. Иначе вы у нас пропишетесь, как старик Бульденеж. Я не скромничаю, у нас очень хорошо.

Что-то в груди Томпсона дёрнулось, словно внутри отчаянно забило крылышками потревоженное насекомое. Томпсон знал это ощущение – предчувствие неприятных событий.

3

Комната на третьем этаже была простая и удобная. Однospальная кровать, письменный стол, небольшой платяной шкаф. Над кроватью картина – цветочный ковёр.

Сара наблюдала за реакцией.

– Отнеситесь к этому, как к небольшому приключению, – сказала она, когда, наглядевшись на обстановку, Джеффри Томпсон повернулся к ней.

– Знаете, я только что понял: моя жизнь отныне делится на два этапа. Всё, что было до этого утра, и то, что ещё не наступило. Я имею в виду смерть. Я как будто застрял где-то в пустоте.

Сара позвала жестом к окну. Подойдя, Томпсон увидел место, где простоял всё утро.

– Как видите, утёс у вас никто не забирает. Можете смотреть каждый день и представлять, как вы прыгаете.

Она произнесла это уверенно, без издёвки и цинизма.

– Мы постараемся заполнить вашу пустоту, если будем делать это сообща.

Её живой непритворный голос действовал лучше любого лекарства, подумалось Томпсону.

Он сказал:

– У вас такое простое видение мира, мисс Холлис...

– Зовите меня Сарой.

– Вы ничего не усложняете. Ни себе, ни другим. Люди, должно быть, к вам тянутся, – Томпсон вздохнул. – Не понимаю как, но вы меня убедили.

И через некоторую паузу добавил:

– Но я оставляю за собой право поменять решение.

4

– Я представлю вам остальных. С Урсулой вы уже познакомились.

– Где она сейчас?

– На чердаке. Пока кризис не минует.

– С ней всё в порядке?

– Иначе и быть не может, – с лёгкостью в голосе ответила

Сара.

Она провела Томпсона через гостиную в распахнутые двери оранжереи из цветного стекла. Полы в этой просторной вытянутой комнате были выложены большими мраморными квадратами. Тут и там стояли кадки с пальмами, с потолков свисали подвешенные на крючках горшки с растениями. Густая зелень мирта и китайской розы выплёскивалась из них каскадами.

Витражные окна выходили на юг и на запад. Мебель составляли два круглых кованых столика, плетёные кресла – их спинки напоминали раскрытые павлиньи хвосты – и шкафчик у одной из стенок.

У окна, что глядело на юг, стояла наполненная до краёв ванна, из которой торчала голова старика, седая, белая как снег. Рядом на табурете лежала газета с «Латинским квадратом» по центру страницы.

Томпсон подумал, как сильно пожилой мужчина похож на пегую лошадь. Бледно-коричневые болезненные пятна покрывали исхудалое, изборождённое морщинами лицо и голову вплоть до лысой макушки. Брови, виски, борода и волосы из носа неопрятно лохматились во все стороны.

Пожилой мужчина пристально глядел на Томпсона. Во

взгляде его были теплота и участие. Будто старик в ту минуту понимал Томпсона как никто другой.

Сара представила их друг другу.

– Джеффри Томпсон – Бульденеж.

– Простите? – сказал Томпсон.

– Бульденеж – это псевдоним, – объяснила Сара. – На самом деле...

– Ни слова, милочка! – запротестовал старец. – Пожалуйста, присоединяйтесь и помогите мне разобраться в этой, чёрт её дери, головоломке!

Джеффри Томпсон опустился в кресло.

– Остальные ещё не спустились. Я приглашу вас, как доктор освободится, – на этих словах Сара удалилась через маленькую дверь в другом конце комнаты.

Томпсон проводил её взглядом.

– Мордаха – дрянь, но видели бы вы её без одежды! – хрипло заявил старик, прищурившись.

– А вы что, видели? – Томпсон улыбнулся.

– О, нет. Но это нетрудно себе представить, – покачал головой Бульденеж. – Согласны?

Томпсон хмыкнул:

– Признаться, у меня с воображением плохо.

– Да бросьте! Тут даже закоренелый вояка без извилин разглядит! Малышка обтянута туже, чем современная мебель из кожи. В моё время девушки носили пятьдесят семь юбок, напоминавших ангары для дирижаблей. Сколько вам?

Сорок?

– Тридцать пять, – ответил Томпсон.

– Совсем юнец. Выглядите неважно. Вам уже предлагали отвар?

– Да.

– Тогда ясно-понятно. От этой дряни всегда физиономию скашивает, будто в пропеллер зажевало.

Вблизи Томпсон обнаружил, что нос Бульденежа напоминал плод лагенарии. На носу сидело древнее пенсне. Он поспешил опустить взгляд на «Латинский квадрат». Дела, как он уже успел отметить, там шли не очень успешно.

– Доктор велит тренировать мозги. Головоломки – лучший способ, говорит он. А вы почему здесь?

Томпсон дёрнул плечом.

– А вы почему? – парировал он.

– Я с пулей в голове, – поспешил ответить старец.

– А, вот как.

Бульденеж тронул пенсне, его рука задрожала.

– Вы не поняли! У меня пуля в черепе. В меня стреляли.

– Стреляли?

– Мафия!

– Ах, вот как.

– Именно так и было. А пулю не достали. Сказали, если попытаются вынуть, то я стану амёбой. А так смогу прожить неделю или месяц. Вот уже два года жду, когда крякну. А у вас что?

– Открытка, – Томпсон достал из кармана изображение утёса.

Лицо Бульденежа засияло от умиления.

– А! Старик Морган! Выглядит моложе нас с вами! Место что надо, да? Я-то знаю. Я всё в этом мире видел.

– Вы моряк?

– Конкистадор!

Бульденеж рассмеялся.

Рука Томпсона потянулась к металлическому вентилятору на столике.

– Не включайте!

Мужчина отпрянул.

– Я только хотел потрогать.

– Провод у него хуже, чем мои нервы. Я сам как-то летом включал – чуть с жизнью не расстался, заискрился весь! А жить хочется...

Бульденеж издал хриплый смешок и продолжил:

– Я художник. По молодости рисовал, работы кое-как продавались. Вот так наскребу что-нибудь – и в дорогу. Бискайский залив, Гибралтар, Марокко, Тунис, Сицилия... Кстати, я как малевать-разъезжать стал, так и поседел. С двадцати лет седой как лунь. Представляете? В двадцать быть старым. Потому и Бульденеж. Прозвали так. Сейчас и облысел давно, и вообще мне другие цветы нравятся...

Старик тяжело вздохнул и вжался затылком в край ванны.

– Но люди-то вперёд заботятся! Сами нарекают тебя, как

им вздумается, не успел ты проснуться с седой головой. А клички пристают, как смола. Так и стал подписываться. Вообще забавно: появляется у тебя другое имя, а там и жизнь другая подтягивается. И вот ты уже не в Шотландии родился, а в Стране Басков, и мать твоя не католичка, а цыганка! Занятно, вы не находите?

Томпсон сглотнул, промолчал.

– Не пробовали?

– Не представлялся случай.

– Говорят, художники должны быть ку-ку. Понимаете?

– Наверное.

– В Британии быть ку-ку значит быть изгоем. Куда таких ссылают?

– Наверное, в Австралию?

– На остров! Любой. Понятно? Для британцев любой другой остров – нечто второсортное. Снобизм, понимаете? Я-то давненько отчалил отсюда, прокатился по странам. Даже купил себе лачужку на Ибице. Пожил там как следует. Там людей принимают со всеми их приветами и не скупятся на объятия. Понимаете?

Джефффри Томпсон кивнул.

– Так что отшельническая жизнь мне не в диковинку. Здесь, в лечебнице, как на острове. Чувствуешь, что отрезан от цивилизации. Мне нравится.

Томпсон осмелел и спросил:

– Почему вы в ванне?

– Так спокойнее! Вроде подводной лодки. Кажется, что ни одна беда меня здесь не найдёт. Доктор разрешает нам буквально всё, если нам так комфортнее. Мне комфортно – я сижу в ванне в самой красивой комнате на свете!

– А пулю где схватили?

Бульденеж скривился.

– Всё мой брат-кретин. Нехорошим человеком был. Как-то навестил меня со своей дочерью на Ибице и остался. За лучшей жизнью приехал. Я ж для него всегда аделантадо был, во всём. А он всю жизнь свою никчёмную механиком лопатил где-то на севере, потому, приехав, устроил себе автомастерскую в моём испанском гараже.

Как-то раз к нам подъехал новенький «Мазерати». У брата глаза повылазили, слюна побежала. А там всего-то колесо спустило. Брат-кретин полез за запаской, а в багажнике – сумка. Этот болван её хапнул и в кусты запрятал. А пока менял колесо, из машины вышла девочка, дочка пассажира, расположившегося на заднем сиденье. Совсем малютка. Захотелось поиграть ей на солнышке. Не прошло и двух минут, как она сумку из кустов вытащила! Тут же вой подняла. После этого из машины вышел человек в костюме, достал ствол. Началась стрельба. Мы с племянницей выскочили из дома, чтобы поглядеть, что там. Короче, человек в костюме по ошибке попал своей дочери точнёхонько в лоб. Мой брат-кретин сбежал. Пришлось и нам бежать. Дом обстреляли, меня догнала пуля. Выкарабкались мы с племянницей с

какой-то божьей помощью...

– Звучит как сценарий к фильму, – заметил Томпсон.

– Такое только там, на юге, случается. Мы вернулись в Сомердин перебежками. Прятались как могли. О брате-крестине я больше не слыхал. Всем жизни испоганил!

– Мафия вас больше не искала?

Бульденеж махнул рукой, расплескав воду на пол.

– В этом нет нужды. Я, можно сказать, не жилец, труп, растение. А племянница моя сама утонула в реке полтора года назад.

– Мне очень жаль.

Бульденеж, сняв пенсне, вытер краешки глаз. Затем ещё раз взглянул на открытку, лежавшую на табурете.

– Гипнотическое место – утёс Морган. Я, наверное, поэтому до сих пор здесь. Кстати, а вы что здесь забыли?

– Я хотел прыгнуть с утёса, – сказал Томпсон.

– А! – старик закивал. – Вы – один из этих молодчиков, что вскарабкиваются по скалам и прыгают с них с парашютами? Вы хотите, чтобы о вас трубили в прессе, как об этих лётчицах в юбках?

Бульденеж перевернул газету. На первой полосе красовался снимок одной из последовательниц Эми Джонсон.

– Да нет, хотел просто красиво умереть, – нахмурившись, сказал Томпсон. – Увидел открытку, отыскал это место...

– А, ясно-понятно.

Старик опустил взгляд на повязку вокруг шеи.

- С петлёй не вышло, да? Стесняетесь? – он с пониманием кивнул. – Вот почему вас сюда приволокли. Ну, ясно-ясно.
- Что – ясно?
- Вы – больной. Разве ещё не поняли?

Глава 3

1

Джеффри Томпсон потёр вспотевшие руки.

– Почему вы думаете, что я болен?

– Ну, в смысле вы – пациент. Идеальный кандидат. Пусечное мясо. Доктор Джейкобс вас ещё не осматривал?

– С ним я ещё не виделся, – подтвердил Томпсон.

– Он будет рад такому приобретению.

– Не совсем вас понимаю.

Бульденеж радостно хлопнул в ладоши, капли воды попали Томпсону на лицо и костюм.

– У вас душевный недуг! Доктор отчаянный. В хорошем смысле. Он кинется разучивать вас вдоль и поперёк. Вы – хороший для него пациент.

– Вы считаете?

– Тут иного мнения быть не может. Вам тридцать пять. Если бы вам было сорок, доктор навряд ли бы вас оставил здесь. Самоубийца в сорок – тут всё понятно. Устал от жизни. Но до сорока должна быть какая-то интересная причина. Для доктора интересная, в смысле. Вы ж не из-за денег?

Томпсон покачал головой.

– Ну вот о чём и речь. И возраст до сорока – это когда можно ещё что-то исправить.

– Не знаю, – вздохнул Томпсон. – Такое ощущение, что мне уже давно за сорок и ничего нельзя исправить.

– И выглядите так же. Ничего. Доктор знает своё дело. У него свои методики. Он заставляет нас играть.

– Играть?

– Да, в игры. Как детей. Он считает, что все наши проблемы уходят корнями в наше детство. А значит, лечить нужно там. Лечить нужно детей. Понимаете?

Томпсон растерянно глянул на свисавший неподалёку горшок с торчащей травой аспарагуса.

– Честно говоря, не очень, – сказал он.

– Доктор считает, что мы впадаем в детство, когда играем... Ох, беда с вами! Сейчас объясню. Взрослые любят врать или умалчивать. Так?

– Так, – согласился Томпсон.

– Дети тоже постоянно выдумывают, но когда ребёнок увлечён, он всегда говорит, говорит, говорит, и на языке у него всегда то же, что и на уме. Поэтому когда вы играете, когда становитесь ребёнком, вы – максимально честны. Вы открываетесь, сами того не замечая.

– Но я-то всё равно взрослый. Я могу врать, блефовать...

– Конечно, вы можете! Я что, на дурака похож и не понимаю этого? Но нужна вам эта способность сейчас... – Бульденеж поперхнулся и откашлялся. – Вы ведь хотите себе по-

мочь?

Джеффри Томпсон кивнул:

– Пожалуй.

– Потому нам всем требуется следовать указаниям доктора, причём бессознательно. А пока мы, с позволения сказать, пребываем в детстве, доктор за нами наблюдает. Делает какие-то свои пометки. Смотрит на наши повадки, реакции. Он думает, что сможет нас всех таким образом излечить.

Джеффри Томпсон в задумчивости вытянул губы трубочкой.

Бульденеж поглядел на него с умилением, точно дед на внука.

– Всё ещё не поняли?

Томпсон покачал головой:

– Суть я, кажется, уловил, но мне всё ещё неясны практические методы лечения...

– Лечение для каждого имеет свой подход, – продолжал Бульденеж. – Но в основе каждого лечения лежит наш общий недуг – наше детство. Запомните: все дороги ведут в детство!

– Постараюсь запомнить, – кивнул мужчина.

– А грамотных специалистов, таких как доктор Джейкобс, крайне мало. Сейчас как ведь: болит душа – значит, лоботомия! Сразу берут железо и копаются в черепе в поисках камней глупости... Но, право, нельзя же из всех растения делать! Иначе мир станет похожим на эту комнату. Представьте: будем с вами висеть в горшках и выделять фитонциды!

Томпсон вежливо хмыкнул.

Бульденеж отсмеялся вперемешку с кашлем и сказал:

– На самом деле доктор ищет способ вылечить свою сестру Урсулу. Уж кто-кто, а она больна на все свои головы. У этой малютки множество личностей. Дрессировщица тигров, маленькая девочка, взволнованная вдова, опаздывающая на поезд...

– Даже так? – удивился Томпсон.

– Ещё была увядающая актриса, она мне, кстати, больше всего нравилась. Было в ней что-то такое по-человечески жалкое, ничтожное... У меня к ней было сильное чувство сострадания. Надеюсь, она не покончила с собой...

– А что, такое может случиться?

– Ну да, каждая личность может вернуться в её тело вновь. Но я слышал, как доктор говорил Барбаре, что актриса может умереть. Она – самая ранимая и неуравновешенная из всех. И что запросто может наложить на себя руки.

– Ух ты! – только и нашёл что сказать Джефффри Томпсон.

– Доктор потому и клинику эту учудил, чтоб поэкспериментировать над добровольцами с разного рода недугами. Даже пациентов пытался набрать по объявлению в газете. «Излечивание душевных травм по экспериментальной методике». Думал, после войны отбоя от желающих не будет. А по той заметке только одна семья откликнулась, та, что парнишку своего сюда из Эдинбурга отправила. Остальные, включая меня, уж как-то сами поднабрались. Прямо как вы.

Томпсон понимал, о чём речь.

– Теперь у доктора есть пять морских свинок для опытов, включая вас и саму Урсулу. Пять случаев душевных травм, разобрав которые, доктор надеется отыскать универсальную вакцину от отклонений в мозгу. И зная наперёд ваши мысли, скажу: я тоже считаю это чистой воды безумием.

– Не верите в методы доктора?

– Ну... это слишком категорично. Знаете ведь, братья Монгольфье тоже не сразу поняли, чем свой шар наполнять.

– И всё же почему вы здесь?

– Молодой человек! У меня нет денег, нет собственной крыши. Мне триста лет. Я, как говорится, конченный человек. Куда податься? Дома престарелых переполнены, а для госпиталей я ещё слишком похожу на живого. И в услужении старые заплесневелые поленья вроде меня никому не нужны.

Старик чихнул и вытер дрожащими, покрывшимися от воды морщинками пальцами нос.

– О, бедность, бедность! Как унижает сердце нам она... – он чихнул ещё раз.

– Здесь сквозит...

Бульденеж как не слышал. Отчихался и продолжил сыпать словами:

– Здесь за мной ухаживают. Так что я готов быть ребёнком до последнего часа, если взамен мне дадут кров. Мой час близок. Не забывайте: у меня пуля в голове! Из-за неё теперь трясутся руки, как только их поднимаю. Вот, глядите.

Рисовать уже не могу. А значит, и зарабатывать. Ничего не умею больше. А вы чем зарабатываете?

– Я – военный инженер.

– А конкретнее?

– Сапёр, – сказал Томпсон уже тише.

Бульденеж вытянул физиономию.

– Боже правый! И пришли с утёса прыгать? Да вы же счастливчик! Гляньте: руки-ноги целы! Кошунство, скажу я вам! Даже если в бога не верите. Перед собой не стыдно?

Томпсон пожал плечами.

– Сколько вы этим делом занимаетесь?

– С семнадцати лет.

Старик похлопал Томпсона по плечу мокрой рукой.

– Вы – счастливчик, мой дорогой! Я хоть и всего два года, но тоже по краю хожу. Так что знаю, о чём говорю. Мы с вами богом целованы. И вот что, – он постучал пальцем по голове. – Эта пуля лишь доказательство, что нас, изгоев, непросто истребить. Мне не суждено сойти в землю от неё. Как и вам от снаряда. В Соммердине у доктора был пациент, сын фермера, ему как-то не повезло с вилами, насадился почти до сердца. Доктор спас ему жизнь. Представляете? На волоске от смерти!.. Что с вами?

– Просто вспомнил. О волках.

– Ну-ка, поподробнее!

– Подумалось, что меня даже волки не захотели сожрать. Ни одной твари не встретил, а шёл всю ночь. Правда, тогда

я ещё не знал...

– Что в деревню пришли волки? А! – Бульденеж возбуждённо закивал. – Теперь это их территория. Sommerдин высох, как обмелевшая речушка. Мужчины повымерли, женщины поразъехались в города на заработки. Хотя зеваки всего раз говорили про волков с той поры, людям страха хватило, чтоб больше не соваться в эти края.

Старик обратил к Томпсону пристальный взгляд.

– Так что ночью тут небезопасно. Волки – лучше всякой колючей проволоки, скажу я вам.

Джеффри Томпсон сглотнул.

2

– Значит, вы не больны? Притворяетесь ради иждивения? Бульденеж бурно зажестикуюлировал.

– Я больной на всю голову, молодой человек! Ну посудите. Во-первых, я стар. Во-вторых – художник, который ничего не рисует. В-третьих, совсем одинок. Вам этого мало?

Томпсон ухмыльнулся.

– Доктору, вероятно, этого хватает.

– Верно, – Бульденеж вздохнул, переменился в лице. – На самом деле всё куда проще: на мне испытывают все новые лекарства.

И добавил совсем тихо:

– Нелицензированные. Экспериментальные.

– Вы не боитесь?

– А чего бояться? Помните, я наполовину мёртв.

Джеффри Томпсон с пониманием кивнул, потому как ощущал нечто схожее. Здесь он впервые за последние часы позволил телу расслабиться, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Поразмыслив, сказал:

– Значит, следуя логике доктора, если я намереваюсь покончить с собой, то я – душевнобольной?

– Вы больны не больше моего, – махнул рукой Бульденеж. – Просто вы переступили черту. Черту нормальности. Границу, за которую в быту не ступают. А вы ступили, высушили ногу. И теперь доктор будет обследовать вашу ногу со всех сторон, искать причины такого поведения.

– Ну хорошо. Вы говорите, его методика – копать в детстве. А что, если я помутился разумом на недавней войне, а до этого был совершенно нормальным? Тогда такой метод ко мне не подходит.

– Это вы так думаете, что были нормальным! – возразил Бульденеж. – В действительности никто на целом свете не скажет вам со стопроцентной точностью, когда именно у вас стало не в порядке с головой. Однако доктор Джейкобс считает, что в детстве вы были максимально нормальным. Это потом окружающий мир потихоньку засовывает ручищи в вашу светлую головку и начинает там ворошить. Закладывать в вас, понимаете?

Томпсон сделал вид, что понимает.

– Затем путать, переставлять местами всё то, что уже вложил. Руки у мира длинные, свирепые, а бывает, что и короткие, хилые. От некоторых несёт дерьмом, некоторые благоухают ладаном. Но влияют все одинаково. Сад, школа, церковная школа, колледж, военная служба, книги, фильмы, газетные заголовки... Но всё закладывалось ещё с детства. Там корень зла.

Мужчина удивился.

– Зла? Почему именно...

Их прервал неизвестный предмет, влетевший в воду, словно снаряд.

Бульденеж вскрикнул, подскочил на ноги. Томпсон – его окатило с головы до ног – резко встал, тут же поскользнулся и грохнулся на плитку. Из глаз посыпались искры.

– Мой дорогой! Вы живы?

Томпсон схватился за ушибленную голову.

– Вроде бы...

Он открыл глаза – над ним возвышался Бульденеж. Тело старика оказалось испито и костляво настолько, что походило на парящую над ванной душу.

Томпсон присел, вытер лицо ладонью и только потом заметил в дверях высокое угловатое существо с непропорционально широкими бёдрами и коротким ёжиком на голове. На узких плечах висело нечто бесформенное, вроде атласного балахона, распахнутого спереди.

– Ольга, безобразница! – Бульденеж плюхнулся обратно в воду и достал со дна прилетевший предмет. – Но... это же голова с дома!

Девушка оскалилась.

– Зачем ты её отколупала?

– Хотите посмотреть? Хотите?

Она тащила за собой холст.

– Выхода у нас нет. Поглядим, – сказал Бульденеж.

Ольга повернула картину лицом к мужчинам.

Джефффри Томпсон машинально коснулся утренней щетины на подбородке.

– Вы это сами придумали? – спросил он.

– Сама. Что, нравится?

У Ольги был хрипатый голос курильщицы. Вблизи от неё пахло живичным скипидаром.

– Я, признаться, не силен в живописи и вообще в искусстве... – сказал Томпсон.

– Опять скромничаете! Да вы смотрите, какую эмоцию у вас вызвала сцена на холсте! – торжественно провозгласил Бульденеж. – Вы язык проглотили!

– Признаться – да, проглотил, – кивнул Томпсон.

Ольга перевела взгляд на старика.

– Что скажете?

– Детка, я в восторге! Ты уловила самую суть!

Казалось, отзыва в пару слов ей было достаточно.

– Вы похожи на смерч, – её тон и взгляд на Томпсона резко

поменялись.

Мужчина выпрямил спину, будто получил заряд тока.

– Такой же мрачный. И увёртливый.

Раздались знакомые шаги и кашель, в дверях показалась Барбара.

– Ольга, пора.

Угловатое недоразумение с угловатым именем Ольга отшвырнуло картину на мокрый пол.

Томпсон поджал под кресло ноги. Бульденеж, заметив это, сказал, как только обе женщины удалились:

– Вы испугались того, что изображено?

– Испугался – не совсем верное слово.

– Вам неприятно?

– Скорее да, чем нет. Хотя и это не то. Пожалуй, я нахожу это действие чересчур откровенным.

– А! – Бульденеж вытер уголки рта сморщенными пальцами. – У вас что-то связано с матерью? Вы из-за неё прыгать решили?

Томпсон не ответил.

Помолчав минуту, Бульденеж сказал:

– Ольга – художница. Как я. Хотя вообще-то... – старик что-то прокряхтел себе под нос. – Вообще-то не как я. Я всегда рисовал внешний мир. Я – экстраверт, как говорят в науке. Ольга наоборот – рисует то, что прячет внутри.

Старик достал из воды гипсовую голову. Это была голова ангелочка-херувима размером с детскую.

– Её мать – русская графиня, потерявшая всё после революции. Скиталась по домам, прислуживала, родила от хозяйина дочку и в десять лет отдала её в монастырь. Доктор взял Ольгу к себе во время войны.

Томпсон догадался:

– Чтобы проводить над ней опыты?

Бульденеж молча кивнул. Затем сказал:

– Так было лучше для всех. В монастыре её не любили. Понятно почему. Она – другая. Вы не думайте, доктор ни-почём не обидит Ольгу! Он изучает её, как цветок в горшке. Просто иногда – во славу науки – он добавляет ей в подкормку какие-то новые ингредиенты...

– Которые сперва проверяет на вас.

– Ну, разумеется! А уж если со мной всё в порядке...

– О каких ингредиентах идёт речь?

– Вот этого не знаю, – резко бросил Бульденеж. – Я доктору доверяю.

Джеффри Томпсон задумался.

– А доктор доверяет мне. Это я научил Ольгу рисовать. Я убедил доктора, что рисование поможет её сознанию раскрыться, а доктору только это и требуется. Поначалу учил срисовывать. Показывал ей знаменитые полотна на почтовых открытках, рассказывал истории их создания, раскрывал секреты техник. Ольга вовсе не глупая. Ей интересно учиться. Да, не дал бог обыденного разума. Техника у неё хромает, но это не от душевной болезни – многие нормаль-

ные рисуют как курица лапой. Зато она видит иначе. Видит то, что другие не видят.

– В смысле какой-то дар пророчества?

– Что? Да нет же! При чём тут эти глупости! Ольга видит простые вещи, те, что у нас под носом, но мы их в силу нашего снобизма и напыщенности в упор не замечаем. Мы же думаем, что знаем всё лучше остальных!

Томпсон кивнул в ответ и спросил:

– Вы тоже пытались покончить с собой?

– Что? Нет, я эгоист, так принято у снобов называть людей вроде меня. Но я слишком ценил свой талант, чтобы добровольно с ним расстаться...

Где-то в далёкой комнате что-то звякнуло. Молодой человек напряг слух.

– Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Чушь несусветная! – Бульденеж вскинул руку и тут же уронил в воду. – Талант может выливаться во что-то одно, а в остальном человек может быть серой посредственностью или даже казаться отсталым. Как в случае с Ольгой. Но последнее несколько не умаляет гениальности человека в чём-то одном.

Он посмотрел в сторону открытых дверей и сказал, понизив голос:

– Вот все думают, что Ольга больная. Они ошибаются!

– В самом деле?

– Ольга просто со своей пулей в голове! А художники

должны быть немного с приветом, иначе шедевра не жди. Но это не та болезнь, от которой следует лечить...

В комнату вошла Сара.

– Чудесное утро, не правда ли?

– От вас, милочка, голова кругом, – сказал старик, утопив гипсовое изваяние в воде.

Сара, улыбаясь, поставила карболитовый ящик с тонометром прямо на снимок лётчицы. Бульденеж положил руку на край ванны.

– Хотят убедиться, что я доживу до обеда, – ворчливо сказал он, глядя на Томпсона.

– Мне же нужно знать, на сколько персон накрывать, – подыграла Сара.

Через пять минут, измерив артериальное давление Бульденежа, Сара заметила на полу картину.

– Работа Ольги, – сказал Бульденеж.

– Повесим её в столовой, – Сара подняла и прислонила холст к стене, затем собрала с табурета измерительный прибор и вышла через дальнюю дверь.

Старик дрожащей рукой потёр плечо.

– А вообще-то больные здесь – персонал. Эти Холлисы. Просто кладёшь ментальных патологий.

– Что – правда? – удивился Томпсон.

Бульденеж расплылся в ухмылке.

– Да нет. Так-то нормальная семья – мать и двое детей. Но какая-то выморочная эта семья, понимаете? Барбара и Пат-

рик оба узколобые. Барбара – мужик в теле женщины, Патрик – жалкая пародия на мужчину. Сара – не цветок, конечно, но благо всегда бодр и смекалиста, что делает её где-то даже очаровательной. Не пойму только, откуда в ней это. Я ведь знал их отца. Гнилой, жадный, бездушный человек. Сына за человека не считал, жене изменял, хотя тут не могу его винить. Дочку замуж хотел быстрее сбавить со своих плеч, да не успел – миокардит вследствие скарлатины.

– Детская болезнь, – задумчиво сказал Томпсон.

– Потому для их убогой семейки Сара как раз таки урод. Чёрная овца. А вообще я вам скажу, – Бульденеж подался вперёд. – Больные – это не те, у кого слюна постоянно бежит или голова кренится набок, как у птички. Больные могут совсем не иметь признаков отличия. А Ольга...

Старик осёкся и виновато посмотрел в сторону дверей.

Томпсон повернул голову.

«Сколько он там уже стоит?..»

На них глядел сквозь очки в роговой оправе высокий мужчина в белом халате. Он был похож на статую: неподвижная фигура, неуловимо задумчивое выражение лица, взгляд сосредоточен – будто глядеть ему ещё вечность.

– Мистер Джеффри Томпсон?..

Глава 4

1

Голос был спокойный, тихий.

Томпсон встал пожать руку. Майкл Джейкобс двинулся навстречу. У него было красивое гладко выбритое лицо с высокими скулами, впалыми щеками и квадратной челюстью, русые волосы вились и обрамляли лицо, смягчая его строгие черты.

– Доктор Джейкобс, это большая честь для меня. Я благодарен вам и миссис Холлис за возможность погреться и насытиться...

Доктор молча пожал руку. Кинув на Томпсона внимательный взгляд голубых глаз, словно достаточный ответ, он подошёл к Бульденежу, извлёк из кармана продолговатый футляр и положил на табурет. Затем достал пузырёк с каким-то раствором.

Следующие несколько минут Джеффри Томпсон ощущал неловкость. То ли из-за странного приёма, то ли из-за того, что оранжерея превратилась в процедурную, в которой Томпсон чувствовал себя лишним.

Доктор Джейкобс орудовал над лицом Бульденежа с по-

мощью небольшого прибора. Томпсон с ужасом наблюдал, как доктор давил вначале на одно глазное яблоко Бульденежа, затем на другое, что-то вымерял и бубнил под нос.

Убрав прибор обратно в футляр, доктор Джейкобс озабоченно сказал:

– Сегодня никаких препаратов. Похоже, пуля усиливает давление на зрительный нерв.

– Как скажете, док! – Бульденеж отдал честь дрожащей рукой.

Найдя вдруг Джеффри Томпсона, стоящего рядом, доктор просветлел лицом:

– Пройдёмте ко мне в кабинет.

Томпсон направился следом. Его поразило, что доктор ничего не сказал про картину у стены. Не заметить такое яркое полотно было сложно, думал Томпсон. Проходя мимо, он ещё раз взглянул на холст. За обеденным столом сидела Дева Мария с вилкой и ножом в руках. Перед ней стояла тарелка, в тарелке – младенец без головы.

2

– Присаживайтесь.

Джеффри Томпсон опустился в удобное кресло против массивного стола. Доктор занял своё место за столом. Перед ним громоздилась мешанина из бумаг, двух стетоскопов и каких-то приборов, названия которых Томпсон не знал.

– Сапёр. Тридцать пять лет. Судя по акценту, приехали с юга.

Томпсон слегка улыбнулся. Никому, кроме Бульденежа, он не называл свой возраст.

– Всё так.

Какое-то время доктор молча разглядывал Томпсона.

– Вы были нелюбимым ребёнком? – спросил он.

– Почему вы так решили?

– Вас шокировала работа Ольги.

Джефффри Томпсон поёрзал в кресле.

– Не пугайтесь, у меня нет глаз на затылке. Я следил за вами с момента, как вы вошли в дом.

– О... – Томпсон кивнул. – Вот в чём дело.

– Мне нужно было понаблюдать за вами. Возможно, вы заметили: в доме много дверей. Здесь всегда гуляет ветер, и иногда гуляю я.

Доктор подтолкнул пальцем очки на переносице и вновь глянул на собеседника.

– Итак, вам недостаёт любви.

– Потому что меня шокировала картина? На мой взгляд, любого нормального человека передёрнет от подобной сцены.

– Нормального – да, но вы-то не совсем в норме.

Джефффри Томпсон смолчал.

– Самоубийца всегда верит, что знает о мире всё. Самоубийцу, такого как вы, почти исполнившего свой план, не

ужаснёт мать, пожирающая своего ребёнка. Только если причина самоубийства не заключена в вашей собственной матери. Скажите, — доктор снова ткнул пальцем в очки, — кто вас не любил больше — отец или мать?

Томпсон не ответил.

— Попробуем иначе. Проявлял ли кто-то из ваших родителей хоть чуточку любви? Возможно, однажды.

На этот раз Томпсон задумался.

— Вспомните какой-нибудь эпизод. Что-то всегда откладывается в нашей памяти.

— Даже и не знаю... — Томпсон замолчал.

— Говорите, говорите! — настаивал Майкл Джейкобс.

Томпсон провёл рукой по носу.

— Мне было шесть или семь. Мама отвела меня в заброшенный дом. Его собирались сносить, но тогда он ещё стоял. Мы зашли внутрь, я с порога учуял запах керосина...

— Это показалось вам странным?

— Да, но у нас в семье было не принято задавать вопросы. Доктор Джейкобс покивал.

— Что произошло в доме?

— Там было пусто. Я знал, что те люди давно съехали. Мама провела меня в одну из комнат без окон. Затем ушла, а перед этим велела сосчитать до двадцати, прежде чем следовать за ней.

— Вы послушались.

— Конечно, сразу начал считать.

Голос Томпсона дрогнул.

– Вы досчитали до двадцати?

– Нет.

Майкл Джейкобс вновь понимающе кивнул.

– На десяти я почувствовал запах гари. Открыл дверь, а в коридоре уже полыхало. Мама подожгла дом.

Томпсон сглотнул.

– И что вы сделали?

– Я забыл, куда бежать. Полыхало со всех сторон. Мне казалось, я теряю сознание.

– Но вы не упали.

– Нет.

Томпсон вздохнул, стараясь проделать это как можно тише. Его пульс участился, стало стучать в ушах. Казалось, что и доктор мог слышать этот стук.

– Откуда-то сквозь толщу огня донёсся мамин голос.

– Вы помните, что она говорила?

– Всегда буду помнить. Она крикнула: «Ищи выход!» В тот момент я понял, что упаду и умру тут, если только поддамся страху.

Щёки Томпсона блестели от пота.

Доктор достал и передал ему платок.

– По-вашему, действия матери были обусловлены любовью?

– Чем же ещё? – бросил Томпсон резко, так вышло случайно. – Я же нашёл выход. И остался жив.

Он замолчал, минуты две в комнате сохранялась тишина. Доктор выжидательно следил за движениями и мимикой Томпсона.

Наконец Томпсон сказал:

– Я думаю, она не умела показывать любовь обычным способом. Больше она не пыталась меня убить.

– Иными словами, больше не проявляла к вам своей любви?

Томпсон покачал головой.

– За всю жизнь она ни разу меня не обняла.

– Как вам кажется, почему?

– Я знаю почему! – вновь резко ответил Томпсон. – Она хотела вырастить меня сильным, даже чёрствым, чтобы меня невозможно было ранить.

– Вам известно, что её так ранило в жизни, от чего впоследствии она пыталась оградить и вас?

– Думаю, да. Мне кажется, отец её не любил.

– А вас?

Томпсон вздохнул, побарабанил пальцами по коленям.

– Думаю, не будет преувеличением сказать, что он меня не замечал.

Чуть погодя он добавил:

– Лет в десять я понял, что был для него нежеланным ребёнком. Я не входил в его планы.

Майкл Джейкобс, достав из ящика тетрадь, принялся делать записи.

– Когда вы осознали, что мама, пускай и таким странным образом, заботилась о вас?

– Три дня назад. На её похоронах.

– Три дня назад, – повторил доктор задумчиво. – Довольно поздно.

– Я всю жизнь злился на неё. Она была источником агрессии для меня, иногда ненависти.

– Опишите мне её.

– Описать?

– Какой она была – высокой, маленькой, черты лица, волосы...

– Ах, это...

– Не бойтесь вспоминать. Закройте глаза и представьте, что она перед вами.

Томпсон с нежеланием представил.

После паузы сказал:

– Футов пять с небольшим. Сухие тёмные волосы, подстриженные каре. Глаза... карие, непроницаемые, всегда тревожные.

– А голос? Жёсткий?

– Голос... Пожалуй, не жёсткий. Не низкий и не высокий... Просто холодный.

– Равнодушный?

– Скорее колющий.

– Как... снег? – доктор прожестикнул в воздухе.

– Нет, мягче. Снег колет резко, – Томпсон вздохнул. – Да-

же не знаю...

Доктор Джейкобс улыбнулся и сказал:

– Как Лабрадорское течение в тёплой воде?

– Это, пожалуй, подойдёт.

Томпсон расправил и сложил платок.

– Сперва, когда она умерла, я почувствовал облегчение. А после погребения жизнь как с ног на голову перевернулась. Я внезапно всё переосмыслил. Но было уже поздно.

– Вы считаете, что смогли бы построить иные отношения с матерью, знай вы лет двадцать назад о её истинных помыслах?

Томпсон покачал головой.

– Не могу утверждать. Во-первых, она бы не позволила иметь другие отношения. Во-вторых, я понятия не имею, что побудило меня на похоронах над этим задуматься.

Майкл Джейкобс отложил вечное перо.

– Это называется «чувство вины», мистер Томпсон.

Доктор снял очки, встал и прошёл к окну. С неба сошёл бурый оттенок. Сочившийся свет стал мягче. Он падал на нетронутое одеяло снега и отражался, освещая дом, гараж и амбар в стороне.

– Когда мы считаем, что нас не любят, мы часто ищем причину в себе. Мы спрашиваем себя: что мы сделали не так? Когда это произошло? А может, мы делаем недостаточно, чтобы заслужить любовь?

– Именно так я считал всю жизнь, – сказал Томпсон. – Я

ведь старался, всегда слушался...

— Когда ваша мама ушла, вы почувствовали облегчение, потому что на какое-то время перестали испытывать угрызения совести. Человека больше нет, значит, ушли и сложности в отношениях. Простая арифметика человеческой жизни. И вот, когда нас больше не мучает наше состояние, мы вдруг осознаём, что всё могло быть иначе. Угрызения совести нападают с новой силой. Законы человеческой физики. Теперь мы чувствуем вину за то, что не успели исправить.

Джеффри Томпсон прилёг на спинку кресла, закрыл глаза, потёр влажными пальцами лоб.

Доктор Джейкобс надел очки.

— Вы вспоминаете горящий дом?

— Каждый день. Каждую ночь, если быть точнее. Я просыпаюсь в одно и то же время от мысли, что в доме начался пожар и что я не смогу выбраться.

— И сапёром вы стали тоже не случайно.

Томпсон достал сигареты.

— После горящего дома меня стала манить опасность. Вы не против?

Доктор подал пепельницу.

Джеффри Томпсон закурил.

— Я не был в отчем доме с тех пор, как в первый раз покинул его. Понял, что, если вернусь, может вернуться и страх.

— Страх быть нелюбимым?

Томпсон затянулся, обдумывая.

– Страх, что смогу вдруг... сломаться. Извините, мне сложно выражать мысли. Никто меня в жизни ни о чём таком не спрашивал.

– Вы решили подвергнуть себя опасности. Но не раз и не два. Вы сделали опасность своим образом жизни.

– У меня не осталось чувств, кроме того страха, что я пытался забыть.

Томпсон затянулся и поперхнулся. Откашлялся, стряхнул пепел с пиджака.

– Пожалуй, мама справилась со своей задачей. Я стал чёрств. Всё, что мне оставалось, – положиться на случай, довериться рефлексам.

Майкл Джейкобс склонил голову набок.

– Вы лжёте.

Джеффри Томпсон с удивлением посмотрел на доктора.

– Не мне – меня обмануть не получится. Вы лжёте себе.

– Всё, что я сказал, – правда.

– А может, вы, покидая отчий дом, как раз и нуждались – больше чем когда бы то ни было – в любви? Но боялись, что нигде во внешнем мире её не получите, потому как считали, что не заслуживаете её? И поэтому нашли себе профессию, где чувства забываются, где, ошибившись только раз, можно наконец-то расстаться со страхами навсегда?

Томпсон продолжал курить, его пальцы дрожали, выдавая нервозность.

Майкл Джейкобс поправил очки.

– Ваша профессия – это ваша защитная реакция. Поразительно, но вы – одновременно и трус, и тот, кем хотела видеть вас ваша мама.

3

Томпсон докурил и потушил окурок. Ему хотелось во что бы то ни стало возразить.

Доктор опередил:

– Любовь, мистер Томпсон, гораздо ближе, чем вы думаете.

Он подошёл и ткнул Томпсона пальцем в лоб.

– Она – здесь.

Томпсон поднял взгляд.

– А мне всегда казалось, что здесь, – он похлопал по нагрудному карману слева. – Во всяком случае, должна быть здесь.

– В сказках – да. Но не в реальной жизни.

Доктор подошёл к камину и позвонил в колокольчик. Через минуту в кабинет явилась Барбара.

– Да, мистер Джейкобс.

– Барбара, будьте добры, покажите мистеру Томпсону, где у человека спрятана любовь.

Глаза Барбары, непроницаемые, точно из стали, скользнули на обеспокоенное лицо мужчины в кресле.

Майкл Джейкобс достал из ящика сигареты.

– Хорошо, мистер Джейкобс.

Барбара прошагала тяжёлой поступью через комнату и остановилась перед самым носом Томпсона. От неё пахло кухней. Томпсон проглотил слюну, его пальцы безотчётно впивались в колени. Барбара закинула руки за спину и расстегнула платье. Глаза Джефффри Томпсона округлились. Доктор зажёг сигарету, задымил. Барбара скинула с себя платье, затем сняла некрасивое застиранное нижнее бельё. Теперь она стояла абсолютно голая.

4

Томпсон почувствовал жар, капля пота защекотала его лоб. Загорелись уши. Так бывало, лишь когда он держал тринадцатифутовый крючок, пытаясь подцепить немецкую мину.

Понемногу Томпсон опустил глаза с лица Барбары. Множество свисающей плоти, представшей перед ним, вдруг напомнило ему сгущённое молоко, стекавшее по рыхлым коржам торта. Томпсон отвёл взгляд.

– Смотрите на меня! – командным тоном крикнула Барбара.

Томпсон взглядом поискал поддержки у доктора.

Майкл Джейкобс курил и молчал.

– Посмотрите на меня!

Джефффри Томпсон посмотрел.

– Что вы видите? – спросила Барбара.

– Я... вижу... вас.

– Я вам нравлюсь?

Томпсон сглотнул, попытался не смотреть.

– Вы... такая... голая...

Лицо Барбары – это суровое изваяние из камня – расслабилось.

– Вы ничего не видите, – её голос безуспешно попытался смягчиться. – Перед вами стоит красивая пышущая здоровьем женщина. И я люблю эту женщину, – сказала Барбара.

Её тяжёлые крепкие руки, лишённые какой-либо чувственности, вдруг коснулись шеи, затем стали трогать плечи, грудь, опускались всё ниже.

Томпсон глядел, не мигая, не меняя застывшей позы.

– Видите – я прекрасна. Моё тело – совершенно, в моих артериях течёт любовь. Здесь любовь, и здесь любовь, и тут...

Барбара продолжала касаться частей своего тела. Когда её руки поглаживали складки живота, Джеффри Томпсон обнаружил, что сидит с отвисшей челюстью. Он закрыл рот и сглотнул.

По пути к бёдрам Барбару охватил кашель. Доктор Джейкобс, подносящий к губам сигарету, замер, его лицо резко потемнело, выражая недовольство.

Барбара, в попытках превозмочь буханье, урывками проговаривала, словно мантру:

– Я счастлива... кхм... у меня всё... кх... кх... хорошо... потому что... я... я... кхм... любима...

Кашель стал неуправляем.

Доктор Джейкобс потушил окурок. Окинув глазами Томпсона, он хлётко хлопнул в ладони. От громкого звука женщина дёрнулась, как от кнута, словно карфагенская христианка перед казнью на арене цирка. Повинуясь команде, Барбара замолчала и принялась целовать свои руки. Затем взяла обвисшую грудь и поцеловала большие, как головки гербер, соски.

Томпсон – до той самой минуты – уже почти уверовал в красоту этой безобразной женщины. Однако теперь, когда эффект был разрушен, он видел перед собой жалкое существо, унижающееся по команде. Ему стало вдвойне не по себе, и он сказал:

– Вы очень красивы, миссис Холлис... Правда.

Барбара остановила представление, поглядела на доктора. У того во взгляде мешались досада с негодованием.

– Вы свободны, – сказал он тихо.

Барбара взяла вещи и скрылась за дверью.

Томпсон в недоумении произнёс:

– Она вышла голой...

– Одевается она ещё хуже, – сказал доктор. – Вы бы точно бросились в море после такого.

Томпсон вдруг просветлел, на его лице блеснула улыбка.

– Признаться, я не знаю, что думать.

– Не мучайтесь. Мысли придут сами. Теперь отдохните. Примите ванну, почитайте. В библиотеке много хороших книг.

Джеффри Томпсон встал.

Доктор Джейкобс отбросил тетрадь каким-то усталым жестом, который словно говорил, что на сегодня достаточно.

Глава 5

1

После горячей ванны Томпсон уснул.

Было без четверти восемь, когда, пробудившись, он обнаружил себя в крошечной тьме. Томпсон зажёл лампу. В окне была одна чернота, доносились отзвуки далёких волн. К стеклу липли хлопья сыпавшегося снега.

Томпсон оделся и тихо проскользнул на первый этаж.

– Как поспали?

Мужчина дёрнулся. Из другого конца коридора к нему направлялась Сара с корзиной белья.

– Спасибо, замечательно.

– Вы проспали все дневные сеансы и обед с ужином.

Сара обнажила дёсны в улыбке.

«Крокодилий оскал», – подумал Томпсон. Ещё сонный, он от неё едва не шарахнулся.

– Не бойтесь, с голоду не помрёте. Проходите в столовую. Мама вас накормит.

В столовой сидел и доедал таинственное месиво Бульде-неж.

– Вот и вы, голубчик! Все уже поели.

Старик подносил вилку ко рту, его рука тряслась, часть бороды и усов окрасилась в цвет еды.

– Ну вот! Потеряли лет десять!

Томпсон занял место напротив.

– Голова болит, – сказал он.

– Главное – измождённость исчезла, а это пройдёт. Ну?

Что сказал док?

– Ну, – Томпсон посмотрел на огонь в камине. – Вроде бы я небезнадёжен.

– Это уж точно! Половина суток прошла, а вы ещё не бросились с обрыва. Проживёте полные сутки – считайте, ваше дело в шляпе!

– Вы думаете?

– Уверен, мой мальчик! Доктор знает своё дело.

– Вот и вы, мистер Томпсон.

Голос раздался прямо за спиной.

– Обождите, я принесу вашу порцию.

Когда Барбара исчезла за кухонной дверью, Томпсон наклонился вперёд и сказал почти шёпотом:

– Доктор меня пугает.

– О! Почему? – в ответ прошептал Бульденеж.

Томпсон проглотил слюну и сказал ещё тише:

– Я видел Барбару. Голую.

У Бульденежа вытянулось лицо, из его рта выпала фасоль.

Скрипнула кухонная дверь. Томпсон сел прямо.

– Приятного аппетита.

Перед Томпсоном оказалась тарелка с картофелем, фасолью и ещё чем-то, напоминавшим пищу из чьего-то желудка. К тарелке добавился стакан, источавший кислый аромат.

– Спасибо, миссис Холлис.

Старик рассмеялся, как только Барбара ушла:

– Да ну вас к чёрту!

– Я серьёзно!

– Где вы это видели?

– В кабинете доктора.

– Что вы с ней там делали?

– Я с ней – ничего. А она – гладила себя, целовала руки...

и всё остальное.

– Пресвятые угодники! Она сама разделась?

– Да. Вернее, – Томпсон облизал губы, – доктор велел ей это сделать.

– А, ну раз доктор велел, тогда ясно-понятно. Это часть лечения, голубчик!

Джеффри Томпсон покачал головой.

– Боюсь, ничего не вышло, – он принялся за еду.

– То есть как это?

– Сеанс не удался, – сказал Томпсон, скривившись от вкуса еды. – Господи... Что это?

– Кишки с потрохами. Праздничное блюдо! Думаю, это в честь вас.

Томпсон отложил вилку и нож и взял стакан. Стерпев горечь напитка, Томпсон сказал:

– Доктор Джейкобс, как мне кажется, хотел продемонстрировать, что нужно любить себя при любых обстоятельствах.

Бульденеж прыснул:

– Боже правый! С чего вы это взяли?

– Пожалуйста, тише, – испугался Томпсон и поглядел на дверь за спиной.

– Вы ж ни черта...

– Тише!

– Вы ни черта не поняли! – прошептал старик. – Суть была не в какой-то там любви!

Томпсон уставился на Бульденежа.

– А в чём тогда?

– Доктор хотел вас развеселить!

– Развеселить?

– Мой дорогой! – смеялся Бульденеж. – Я же говорил, у вас кислая мина. Требовалось радикальное решение. Говорил же вам, у доктора свои методы!

– Но... Это так жестоко.

– Но действует же! Вы повеселели и уже забыли о своих глупостях. Ну там чтоб прыгать с утёсов...

В нерешительности Томпсон попробовал картофель.

Старик чавкал и попутно продолжал весело делиться мыслями:

– Знаю, вы подумали – цирк уродов, да? Вот что: вы правы. Барбара работает в нашем маленьком цирке уродов. Зна-

ете, почему люди там работали испокон веков? Они были изгоями. Как мы с вами. Только у них другого выбора не было, потому что бедны были. Мы с вами уродливы морально, они – внешне. Моральные уроды смеются над физическими. Так было всегда. Никогда не бывало наоборот. Моральные уроды правят миром.

Бульденеж запил остатки еды отваром и скорчил рожу.

– Пробирает, дрянь! Каждый раз!

– По-вашему, я – моральный урод?

– Это так, мой мальчик. Внутренне вы, как и я, искажены.

Искажение внешнее зовётся уродством, значит, и с внутренним та же история.

– Стало быть, у Барбары нет другого выбора?

– Ох, вот уж нет! – Бульденеж отрыгнул и сыто добавил: – Барбара здесь просто счастлива!

2

– А теперь время играть! – возвестила Сара.

– Идёмте! – подскочил Бульденеж.

Джеффри Томпсон поспешил следом.

– Благодарю за ужин, – попутно кинул он.

Сара поглядела на полную тарелку.

– Вы же ничего не съели.

Мужчина виновато осёкся.

– Должно быть, с непривычки... Извините.

В гостиной сидел молодой человек в очках и читал книгу. Бульденеж остановился у порога.

– Подыгрывайте, ясно? – шепнул он в заговорщической манере.

Томпсон послушно кивнул.

– А в чём дело?

– Он опасен.

– По нему не скажешь...

– Раздавит вас, опомниться не успеете! А вы ещё слабы.

Томпсон с сомнением окинул взглядом странного юношу. В том было футов шесть, лет около двадцати пяти. Выглядел как лаборант, запросто сошёл бы за помощника доктора. Блондинистые волосы и белая, как соль, кожа, да вдобавок вытянутый череп – всё как будто кричало о его скандинавском происхождении.

– Мне кажется, вы преувеличиваете. В нём веса не больше моего.

Старик с раздражением цокнул.

– Словами раздавит, ясно? Слова у него, что щупальца у Кракена. Зайдёт к вам со всех сторон, потом за горло схватит. Вам деться некуда будет. Говорю вам, хуже Джека-потрошителя!

Джеффри Томпсон удивился.

– Ну как продвигается дело серийного маньяка? – бодро спросил Бульденеж.

Юноша оторвался от книги. Его карие глаза, увеличенные

линзами, с ходу переметнулись с лица Бульденежа на Томпсона. Новенькому отчего-то стало не по себе.

– Дело абсолютно ясное, – хмуро сказал молодой человек. – Автор – болван. Я понял, каким будет убийца, ещё до того как он появился.

– Мне бы ваши мозги лет семьдесят назад, чтоб отличать добро от зла, – Бульденеж плюхнулся в кресло у камина.

– Вымышленное зло, – юноша потрепал в воздухе книгу, – не имеет ничего общего с реальностью.

– Мистер Томпсон, это мистер Адам Карлсен – молодой человек, о котором я вам говорил.

– Говорили? – изумился Томпсон.

– Ну, помните? Заметка доктора в газете.

– А... Молодой человек из Эдинбурга?

Адам Карлсен мрачно кивнул.

– А это – Джеффри Томпсон. Сапёр.

– Как поживаете, мистер Томпсон? – холодно приветствовал Карлсен.

Мужчины пожали руки, и тот, что старше, заметил:

– У вас довольно нейтральный акцент. У меня был сослуживец из Эдинбурга...

– Вообще-то я из Норвегии.

– Ах, вот что!

– Я – приёмыш, – отрезал Карлсен.

Джеффри Томпсон почувствовал, что задел болезную тему, и решил её больше не касаться.

Остальных пациентов ещё не было.

За разговором постепенно Карлсен вытянул уйму информации из Томпсона – тактики минирования, места дислокации его подразделения, несмотря на то что Джефффри делился сведениями косноязычно и нехотя. Бульденеж встрял с историей, полной чудес, о том, как он много лет прочищал лёгкие после отравления фосгеном...

– Я опоздаю! Пожалуйста, пустите меня! – женский голос, донёсшийся из коридора, отчаянно дрожал.

– Нет, милочка, поезда сегодня не будет, – грубо звучал другой.

В дверях показались Урсула и Барбара.

– Он задерживается на сутки или больше.

– Вы точно знаете? – Урсула сжимала в руках чёрную сумочку – в тон мрачному платью и вуали, скрывавшей лицо.

– Всё из-за снегопада. Вон сколько снега.

Барбара подвела Урсулу к окну.

– Как видишь, я тебя не обманываю. Дорожные службы нескоро справятся с такими завалами. Спешить некуда.

В комнату вошла Ольга.

– Эта карга тебе врёт, поезд давно уехал. А это просил передать тебе муженёк с того света...

Она что-то бросила в огонь, оттуда резко захлопало, слышался едкий запах пороха. Все дёрнулись, а Урсула, взвизгнув, бросилась за кресло.

– Ах, звуки скандала и тревоги заворачивают, – подели-

лась Ольга. – А что, кто-нибудь курит?

Томпсон достал сигареты.

На ней был всё тот же балахон из серого атласа, из-под которого, заметил Томпсон, исчезла остальная одежда.

Барбара осатанело схватила её за руку.

– Где ты взяла петарды?

– Господи, ну и тоскливое же Рождество! – Ольга успела затянуться и присесть. – Если б мочой пахло, один в один монастырь.

– Отвечай мне, Ольга!

Ответом Барбаре был взгляд, полный отвращения.

– Того и гляди зайдёт аббатиса, снимет тяжёлый крест с персей и влупит тебе по лицу. А всего-то из-за лишнего кусочка сахара.

На последнем слове миссис Холлис прекратила осаду, отпустила руку.

Ольга безразлично потёрла запястье.

Урсула вынырнула из-за её спины и приподняла вуаль. По её щекам текли слёзы.

Она произнесла почти шёпотом:

– Где Майкл?

Ответила Ольга:

– Уехал в купе первого класса. Ты опоздала.

Лицо Урсулы потухло и вновь озарилось, когда вошёл доктор Джейкобс.

– Майкл! – женщина бросилась на шею брату.

На нём уже не было белого халата, пиджак сменил шерстяной свитер. Теперь он выглядел как глава дружного семейства в сочельник.

– Они всё скрывают от меня! А она мне знаешь что сказала? Что поезд давно уехал! Это правда?

– А ты бы хотела, чтобы это было правдой? – спросил в ответ Джейкобс.

Опускаясь с ним на диван, Урсула выронила сумочку.

– Я не знаю. Я должна была... я...

– Да, милая. Ты спешила на поезд, – Майкл Джейкобс погладил сестру по голове. – Мы все хотели бы на него попасть. Но поезд никуда не уезжал, он просто ещё не пришёл.

– Ещё нет? – Урсула обвела всех беспомощным взглядом.

Мужчины покачали головами.

– Поэтому мы собрались здесь, в зале ожидания, – сказал доктор Джейкобс.

3

В камине потрескивали поленья. Мерцала огоньками ёлка.

– Вы кто? – спросила Ольга.

Томпсон поёрзал.

– Я...

– У вас рана! – Урсула схватилась за свою шею.

– Ах, это... – Томпсон неловко хмыкнул. – Ерунда.

– Это волк? Вы встретили волка?

– Как же! Волка в юбке, – Ольга прищурилась, цедя дым сквозь зубы.

– Нет, нет... всё в порядке. Скажите, – Томпсон перескочил с опасной темы, – а куда направляется этот ваш поезд?

– В морг, – прозвучало после затяжки.

– Нет! Только не туда! – Урсула обняла себя за плечи. – Он едет к северной звезде.

– Один чёрт, – выдала Ольга с облачком дыма.

Урсула, вытирая слёзы, сказала вполголоса:

– В морге мой муж... Но я хочу от него уехать... я не знаю... не знаю, как лучше поступить...

– На звезде холодно, – сказал доктор. – Взгляни на себя, глупышка, в этом платье ты замёрзнешь.

– Я надена пальто! Сегодня утром я взяла твоё пальто – очень тёплое! – и хотела успеть... я хотела успеть...

Урсула вздохнула, а затем жалобно простонала:

– Я так устала! Я устала опаздывать на этот чёртов поезд!

Ольга поднялась и резким движением ткнула окурком в шею Урсулы. Комнату пронзил дикий вопль.

Томпсон подскочил, но доктор жестом его задержал. Барбара уволокла зачинщицу скандала обратно на место.

– Ещё одна выходка – и будешь снег разгребать, пока поезд не приедет!

– Господи, как мне больно! – рыдала Урсула.

– Она же притворяется, эта маленькая сучка! – ядовито

пропела Ольга.

Сара принесла мазь и бинты. Перед этим доктор привёл сестру в чувство, отвесив пощёчину. Горемычная вдова как по волшебству успокоилась. Сара ловко обработала ожог и в довершение замотала Урсуле шею.

Урсула и Томпсон – у них были теперь одинаковые повязки – посмотрели друг на друга.

4

Барбара внесла поднос со стаканами. Гостиную наполнил терпкий запах сена.

– Опять? – негромко удивился Томпсон.

– О, эта вещь вам понравится! – шепнул Бульденеж. – Игровое снадобье! Пока не начнёт действовать, игра не начнётся.

Сара разнесла напитки.

Томпсон сделал глоток и почувствовал, что не может вдохнуть. Его скрючило с непривычки, горло разразилось кашлем.

– Это улучшит обмен веществ, – сказал Майкл Джейкобс. – Пейте маленькими глотками.

С минуту все потягивали отвар.

Когда доктор отвлёкся, Бульденеж сказал Томпсону на ухо:

– Выварка горькой полыни. Знаете, что такое?

Джеффри Томпсон покачал головой.

– Сыворотка правды!

Томпсон, осушив к тому моменту полстакана, резко остановился.

Бульденеж сипло засмеялся.

– Что так испугались? На вас лица нет! Шучу. Это природный галлюциноген! Будете видеть чёртиков. Пейте смело.

5

Майкл Джейкобс достал тетрадь.

– Леди и джентльмены, давайте поприветствуем нашего нового гостя, мистера Джеффри Томпсона.

Зазвучал неуклюжий хор:

– Здравствуйте, мистер Томпсон!

Мужчина, чьё лицо в ту минуту горело от смущения под общими взглядами, настороженно сжался.

– Мистер Томпсон, как и все мы, оказался здесь в переломный момент жизни, следуя за своей звездой, когда ему показалось, что она исчезла...

Господи, ну и мелодрама!

Своё намерение прыгнуть со скалы Томпсон воспринимал куда глубже, интимнее, чем этот дешёвый, как он считал, педсовет.

– ... небо заволочло тучами...

– Дайте ещё одну, – по-тихому вклинилась Ольга.

Томпсон протянул открытую пачку. Доктор не спеша кле-вал ему мозг.

От задушевной теплоты, с которой всё это говорилось, за-ныли зубы.

– ... и в доме, как на перевале, где мы можем переждать грозовую грядку и дожидаться просветления...

– А если оно не наступит? – вставил Томпсон. Вышло со-всем некрасиво.

Доктор Джейкобс остановил на нём увлечённый взгляд.

– Спросим мнение остальных, вы не против?

Томпсон пожал плечами.

– Бульденеж, что говорят руки?

И, повернувшись к Томпсону, доктор добавил:

– Руки Бульденежа – метеозависимы, они предсказывают погоду. Мы вверяем в них себя.

Старик расплылся в морщинистой улыбке.

– Томпсону недоставало хорошей компании!

Майкл Джейкобс ответил кивком и добавил:

– Я того же мнения. А что скажет мистер Карлсен?

Адам мрачно взглянул на предмет обсуждения.

Пока он обдумывал ответ, Томпсон искоса посмотрел на Барбару. Она стояла поодаль у стены, не мигая, водя по всем своими маленькими серыми глазками надзирательницы.

– Я бы не мучил его и дал прыгнуть, – произнёс наконец Карлсен.

– Вот это правильно, – оценила Ольга, кивнув.

Вопрос Томпсона после её слов звучал как-то неловко:

– Вы бы за меня не боролись?

Карлсен отрезал:

– Нет.

Урсула с нажимом укорила его:

– Вы – жестокий человек!

– Никто не в силах излечить человека, если он однажды уже дошёл до обрыва. Даже вы, доктор.

Замечание Карлсена застало врасплах Джефффри Томпсона: уже второй человек ставил под сомнение деятельность Джейкобса.

Доктор тронул очки и спросил:

– Вы не верите в психоанализ?

– Я верю в изучение проблемы, но не в лечение, – пояснил Карлсен. – Если в первый раз попытка покончить с собой не удалась, человек будет подсознательно создавать себе ситуацию, в которой ему повезёт завершить начатое.

Томпсону стало интересно, что за этим крылось: душевная чёрствость или же нечто противоположное.

– Вы имели опыт общения с самоубийцами? – спросил он.

Адам Карлсен охотно кивнул в ответ.

– Из-за меня погибло несколько человек, – с гордостью викинга сообщил он.

– Из-за вас?

– Все они были убийцами.

В пальцах у Ольги крошилась забытая сигарета. Девушка

с интересом наблюдала за лицом Томпсона.

Тот сидел прямо и не замечал собственной отвисшей челюсти.

– Мистер Карлсен их не убивал, – уточнил доктор Джейкобс. – Он лишь доказал их виновность, а затем великодушно дал им возможность покончить с собой, чтобы за них это не сделала виселица.

Барбара кашлянула.

– Как вам это удалось? – спросил Томпсон. – В смысле, раскрыть преступления?

Ответ был краток:

– Случайно.

– А теперь вас мучает совесть?

– Я – беженец, мистер Томпсон. Моих родителей расстреляли фашисты. Мне не жалко убийц. Но я был более чем милостив к ним. А если бы меня мучила совесть за чужие преступления, я бы давно покончил с собой.

– Тогда почему вы здесь?

Карлсен с расстановкой произнёс:

– В вашей замечательной стране меня, десятилетнего, взяла к себе семья – супружеская пара и их сын, мой ровесник. Пару месяцев назад он сбежал из дома. Его родители обвинили в этом меня и, можно сказать, временно выгнали из дома.

– Выкиньте их из головы, – вставила Ольга и язвительно добавила: – Эта замечательная страна всегда будет отторгать

инородную кровь. А побег здесь всегда считался грехом иностранного происхождения.

Карлсен не стал комментировать.

Томпсон спросил:

– Вы как-то причастны к побегу их сына?

– Не больше, чем к смертям преступников, которым я дал возможность самим выбрать свою участь.

Юноша смахнул со лба нависшую прядь и посмотрел на Бульденежа.

– Всё, что я делал, это лишь пытался посеять в нём зерно ответственности, но он сбежал, как дезертир, не думая о семье и последствиях. Я назову это бунтарством без причины.

– Изгой! – громыхнул менторский тон, в воздух поднялся и задрожал указательный палец.

– Авантюрист, – сказал Карлсен, – вот более подходящее слово. Любитель ловли рыбы в мутной воде.

У старого джентльмена разыгрались нервы, но он сдержался и насмешливо выкрикнул:

– Будьте тогда и к нам милостивы, молодой человек, и скажите, наконец, что такого плохого в свободе выбора своей личности?

– Пожалуйста. Люди, как он и как вы, лишённые ответственности, часто бывают опасны. Вы рушите общество, пока другие кровью, потом и слезами ставят его на ноги, – с мрачной лёгкостью произнёс Карлсен.

Бульденеж сорвался, захрипел:

– Взгляни на мои руки, дерзкий мальчишка! Взгляни! Я не могу работать!

Его руки трепетали, как бельё на ветру.

– Я даже кулаком в твоё нахальное лицо не попаду!

Он повернулся к Томпсону, от волнения у него сел голос.

– В молодости я бы разбил его лицо напополам, на две равные части!

Томпсон выразил кроткое восхищение, попутно поглядев на свою ладонь. В попытке свести разговор к шутке он произнёс:

– Кажется, я начинаю понимать, за что вас выгнали. Если вы и с приёмными родителями так разговаривали...

В него тут же вонзился острый взгляд Адама.

– По их версии, я тронулся умом, когда в десять лет потерял отца, вследствие чего стал давить на их сына психологически, результатом чего и стал его побег.

Барбара громко откашлялась.

– Сколько вам лет?

– Девятнадцать.

Томпсон поморщил лоб.

– Выглядите старше. Гораздо старше, – добавил он с задумчивой усмешкой.

Сара собрала пустые стаканы.

– Барбара, принесите мяч.

– Минуту, мистер Джейкобс.

Пока Барбара ходила за мячом, доктор сказал:

– Ваши объяснения, мистер Карлсен, логичны, как поведение скорпиона. Тронешь его – он ужалит. Точно и просто. С вами, если этого не понимать, можно здорово схлопотать.

Он ткнул пальцем в очки на переносице и улыбнулся.

– Нужно выпросить у короля разрешение на изъятие вашего мозга для исследования...

– У британцев странное чувство юмора, – взгляд Адама в тот момент был практически невыносим. – У меня стойкое чувство, что я – домашнее животное, которое когда-то подобрали, а потом отправили в клинику для кастрации.

Ольга зашлась грубым смехом.

– Отлично! Браво, браво!

Остальные молчали.

У Карлсена заалели пятна на скулах. Так бывало каждый раз, когда он говорил о себе. Словно разгоралась лампочка, готовая заискрить.

Доктор принялся делать запись. Пока он выводил слово «кастрация», хлопнула входная дверь, зашаркали по коридору. На пороге гостиной появился запыхавшийся Патрик с коробками в руках.

– Ма! Куда провизию ставить?

– Барбара вышла, Патрик, – сказал доктор.

– Ой, извините.

Ольга распахнула перед парнем халат.

– Мы как раз говорили про кастрацию, – протянула она прокуренным голосом старой бандерши.

Её голая грудь была измазана масляной краской.

Щёки Патрика, румяные от мороза, смущённо надулись.

Доктор Джейкобс встал и запахнул халат на Ольге.

– Унеси это на кухню, – сказал он Патрику.

Томпсон подумал, как пугающе Патрик похож на свою мать. Полнота, грубые черты неподвижного всё ещё детского лица. Интонации тонкого голоса, как у капризной девчонки. «Ещё одно ничтожество из рода Холлисов», – решил Томпсон.

– Вы правы, – шепнул он Бульденежу, – похоже, я – моральный урод.

– А, вы подумали, как жалок Патрик? – старик говорил расслабленно, как будто его разморило на солнце.

– Пожалуйста, тише...

Барбара принесла резиновый мяч.

– Играем, – доктор бросил мяч Бульденежу. – Венера!

– Зефир! – Бульденеж поймал мяч и тут же направил Карлсену. – Весна!

– Взрыв! – Адам бросил мяч Урсуле. – Рассвет!

– Незнакомец! – Урсула с трудом поймала, затем запустила в Томпсона. – Воскресенье!

Джеффри Томпсон схватил мяч и точно онемел.

– Вы язык проглотили? – встрепенулась Урсула.

Так и есть.

– Вы должны говорить, не задумываясь, – слегка попенял доктор.

Мужчина собрался.

– Извините... Воскресенье? Гм. Конец.

– Конец? – повторил Бульденеж таким тоном, как будто заподозрил, что Томпсон сошёл с ума.

– Примитивно! – не могла успокоиться Урсула.

Доктор хлопнул в ладони, поторапливая.

– Кидайте, кидайте!

– Сейчас... – Томпсон прокашлялся. – Тело!

– Ванесса! О... – Сара поняла, что сглупила. – Простите. Я не ожидала...

Барбара резко оторвалась от стены.

– Вы должны бросать только пациентам! – казалось, она сейчас кинется и вопьётся зубами в Томпсона.

– Кидай! Кидай! – твердил как заведённый Джейкобс.

Сара послушно кинула:

– Жаворонок!

Мяч направился к Ольге.

– Кровь! – сказала она и бросила доктору. – Обещание!

– Время... – его ответ задержался на секунду, затем он продолжил: – Ночь!

– Страх! – вырвалось у Бульденежа.

Его руки затряслись, глаза расширились.

– Измена...

– Сено! – Урсула кинула Томпсону. – Сердце!

– Т-тлен, – запнулся Томпсон. – Снег!

– Дом! – ясно ответил Карлсен. – Убийца!

– Фиалка! – Ольга направила мяч Томпсону. – Ад!

– Крысы... Гм... Убежище!

Бульденеж:

– Вода! Закат!

Урсула:

– Занавес! Аплодисменты!

Адам:

– Плесень! Одержимость!

Ольга:

– Соблазн! Спальня!

Джейкобс:

– Сновидения... Преграда!

Томпсон:

– Непреодолимость... Боль...

– НЕТ!

Это кричала Урсула – она бросила мяч в огонь камина и отпрыгнула.

– Что случилось? – спросил Майкл Джейкобс.

– Вы не видите разве?.. Мы кидали голову... голову моего мужа!

Барбара достала обугленный мяч из камина. Запахло жжёной резиной.

– Нужно проветрить комнату, – доктор Джейкобс встал. – Всем следует ненадолго покинуть помещение.

– Прятки! Пожалуйста! – Урсула сорвала с себя вуаль и радостно подскочила. – Чур, этот, ну, новенький, будет водить!

Она ткнула пальцем в Томпсона.

– Прятки? – спросил тот, не веря своим ушам.

Бульденеж просвистел ему на ухо горячим дыханием:

– Он всегда отправляет нас прятаться, если что-то идёт не по плану.

Доктор – чувствовалось, он был чем-то обеспокоен или огорчён, – кивнул и сказал:

– Пожалуй, прятки сейчас самая подходящая игра.

Джефффри Томпсон продолжал сидеть. Голова кружилась, в ней словно помешали ложкой. Он на секунду-две сомкнул веки, а когда открыл, никого рядом не было. Всех будто ветром сдуло.

«Что было в отваре?» – испугался мужчина.

Прятки... Вдова... Голова мужа...

Доктор Джейкобс задержался в дверях, видя состояние Томпсона.

– Побочный эффект от полыни с непривычки. Не волнуйтесь, скоро всё выветрится, – объяснил он. – Я покину вас на время. Четверо остальных уже прячутся, вы можете искать где угодно. Кроме спален, это личные пространства.

– Постойте...

Томпсон встал с дивана, соображая, сможет ли держаться на ногах.

– Простите. В самом деле – простая игра в прятки?

Доктор ткнул пальцем в очки.

– Играли когда-нибудь?

Не с детьми и не в детстве...

Томпсон уклончиво спросил в ответ:

– Какой в этом смысл?

– Смысл, чтобы вы искали, а другие прятались.

– Я хочу сказать... – кулаки Томпсона сжались в карманах брюк. – Я понимаю игру с мячом. Ассоциации. Вас интересует то, что внутри нас. Но серьёзно ли – прятки?

Доктор улыбнулся.

– Это не для протокола, – он постучал карандашом о тетрадь. – Расслабьтесь. Скрасьте себе вечер простой игрой.

Томпсон почувствовал внезапную эйфорию.

Вот значит как?..

Надо будет узнать рецепт коктейля...

– Сегодня вы начали с чистого листа. У вас фаза детства. Ощущаете?

Томпсон с удивлением признал, что странное состояние, в

котором он пребывал, действительно было похоже на счастливое детство.

– До скольких мне считать?

– Кажется, в прошлый раз вы остановились на десяти?

Томпсон в момент покрылся гусиной кожей.

Струны нервов пощипывались здесь виртуозно!

– Представьте, что вы в доме, вам шесть или семь. Начинать считать. На десяти задержите дыхание. Если паники не будет, выдыхайте и продолжайте счёт до двадцати – в этот раз у вас получится.

А если не получится, придёт Барбара и разденется...

Томпсон не заметил, как кусал губу.

– Я нахожу ваши методы жестокими, – решился высказаться он.

Это замечание не тронуло доктора. С годами он приноровился проглатывать его, ничего не ощущая.

Он произнёс дежурный докторский ответ, перед тем как исчезнуть:

– Страх заставляет переоценивать препятствие. Чтобы пережить боль, которой мы боимся, необходимо её сперва ощутить. Но в этот раз вы делаете первый шаг. Ваши страхи, поверьте, покажутся вам ничтожными.

Глава 6

1

Джефффри Томпсон считал в оранжерее. Ему нравились цветные стёкла в этой комнате. Стоял сильный бодрящий запах листьев.

На десяти мужчина сделал паузу, поглядел по сторонам. Ничего не загорелось. Он адресовал себе издевательскую ухмылку и продолжил счёт.

В это время на кухне Патрик ел шоколадные крекеры. Шапка с отворотом оставалась на голове. Барбара чистила картошку для завтрашнего ленча. Разговор не клеился.

Вошла Сара. Барбара взъелась на неё:

– Дура ты, Сара! Кто просил тебя вспоминать о Ванессе?

– Я ведь случайно!

– Иногда хоть мозги включай!

– А что случилось? – жуя, спросил Патрик.

– Мы играли в ассоциации...

– А, мяч. Тупые психи.

– Патрик! – рявкнула Барбара.

– Да ладно те, ма!

Сара постаралась оправдаться:

– Новенький случайно бросил мне. Думаю, он кидал Урсуле – я за ней стояла. Он сказал «тело», а я машинально вспомнила Ванессу... Даже не вспомнила ещё, а с языка уже слетело.

Девушка села за стол и взяла печенье. Вздыхнув, сказала:

– И перед глазами сразу сцена возникла, как мы её из воды вытаскивали.

– Пфф... – замахал руками Патрик. – Не напоминай. Такое уродство нескоро забудешь.

С минуту слышались только чавканье, хруст и плеск картофелин в раковине.

– Больше никаких упоминаний об этой девушке, – Барбара с грохотом поставила таз с картошкой на стол. – Особенно – при докторе.

2

Патрик отряхнулся, надел куртку и, взяв керосиновую лампу, вышел через заднюю дверь.

Сара приготовила чай, остатки печенья высыпала в пиалу и, сервировав поднос, отправилась в кабинет доктора Джейкобса. Ей хотелось извиниться.

Барбара принялась за уборку кухни.

Через четверть часа к ней заглянул Джефффри Томпсон.

– Здесь никого нет, – сказала она, разогнувшись.

Томпсон неуверенно кивнул.

Женщина выжала тряпку и добавила:

– Плохо ищете. На первом этаже полно чуланов.

Поблагодарив, Томпсон закрыл за собой дверь. Он уже проверил чуланы и никого там не нашёл.

В коридоре, где он продолжил поиски, слышались звуки, похожие на сдерживаемые стоны. Томпсон прислушался, пытаясь угадать направление. За углом, где была дверь в кабинет доктора, звуки стали яснее. Сбоку от двери стояла большая кадка с фикусом. Опытный глаз Томпсона с ходу уловил вибрацию – листья растения слегка вздрагивали, как от подземных толчков. Джеффри Томпсон подошёл и осторожно раздвинул стволы фикуса.

– Вы меня нашли, – подавляя смех, прошептал Бульденеж.

3

– Это вы издавали звуки?

Они направлялись в оранжерею.

– Я чуть не скончался со смеху! Уже еле сдерживался.

– От чего?

– Вы бы лицо своё перепуганное видели! Представляю, какой ужас вы испытаете во время игры в салки!

В одном из проёмов мужчины заметили Барбару – она стояла в парадном холле с ведром и шваброй в руках и смотрела в сторону с выражением оцепенения на лице. Томпсон притормозил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.